

С.Н. ШКЕЛЬ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ
АВТОРИТАРНОЙ РЕЖИМНОЙ СРЕДЫ:
ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА**

Опыт постсоветских стран позволяет проверить ряд гипотез относительно закономерностей развития партий и других политических институтов в условиях авторитаризма. Если ранее большинство политологов рассматривали выборы и партийную конкуренцию в условиях авторитаризма лишь как имитацию, имеющую целью сформировать привлекательный имидж режима на международной арене, то сегодня широкое распространение получили концепции Дж. Ганди и А. Пшеворского, согласно которым авторитарные лидеры вполне сознательно используют эти институты для укрепления собственной власти. С точки зрения исследователей, диктаторам выгодно кооптировать потенциальных оппонентов посредством электоральных процедур, сокращая пространство для своих принципиальных противников. Интегрируя потенциальных соперников в представительные институты, режим ставит их в положение лояльной полуоппозиции, сокращая риски открытого политического противостояния [Gandhi, Przeworski, 2007; Gandhi, 2008]. Кроме того, успехи оппозиции и падение рейтингов «партии власти» в отдельных регионах позволяют вовремя выявить насущные проблемы и принять соответствующие меры [Gandhi, Reuter, 2013].

Таким образом, выборы выполняют роль мониторинга слабых мест авторитарных режимов и позволяют им заблаговременно применять меры по интеграции элиты. Наличие оппозиции и сохранение хотя бы отчасти конкурентных выборов выгодны авторитарной элите, поскольку объективно укрепляют ее власть, леги-

тимируют режим и кооптируют в него потенциальных соперников. Как указывает Й. Герчевски, наряду с репрессиями данные функции являются важнейшими «столпами» устойчивости и стабильности современных авторитарных режимов [Gerschewski, 2013].

С другой стороны, существует альтернативная точка зрения, согласно которой установившиеся институты – это лишь следствие баланса сил в рамках авторитарной элиты: они не являются причиной усиления или устойчивости авторитаризма, а, скорее, служат маркером, указывающим на уже произошедшую авторитарную консолидацию [Levitsky, Way, 2010, p. 183]. Развивая тезисы У. Рикера и Т. Пепински, Г. Голосов рассматривает институты авторитарных режимов как «эпифеномены», т.е. скорее как следствие, нежели причину устойчивости автократий [Golosov, 2013]. Не случайно опыт развития ряда авторитарных стран, в том числе на постсоветском пространстве, свидетельствует о том, что при определенных условиях электоральные процедуры, оппозиция и другие политические институты способны подорвать устойчивость власти и запустить процесс «опрокидывающих выборов» [Хантингтон, 2003, с. 178–181].

«Электоральные революции» [McFaul, 2006] в ряде стран постсоветского пространства эмпирически подтвердили предположения о том, что партийные, парламентские и избирательные институты могут служить не только механизмами укрепления власти автократов, но и триггерами крушения недемократических режимов [McFaul, 2005; Kuzio, 2008; Bunce, Wolchik, 2011; *The Colour Revolutions...*, 2010; Гилев, 2010].

Последние исследования позволяют предположить, что устойчивость инкумента во многом зависит от типа авторитарного режима. Статистика свидетельствует, что персоналистские авторитарные режимы в целом хуже справляются с поствыборными протестами, чем однопартийные или военные [Завадская, 2014]. Тем не менее, как показывает опыт постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа, ряд персоналистских режимов оказываются вполне устойчивыми и успешно справляются с разного рода дестабилизирующими факторами. Вероятно, на устойчивость режима влияют не только сам его тип, но и способность авторитарного лидера эффективно осуществлять стратегию кооптации [Bueno De Mesquita, Smith, Siverson, Morrow, 2003], создающую предпосылки для его политического долгожительства. Эти возможности связа-

ны как с экономическими основами авторитарного господства, так и с доминированием неформальных практик, а также с институциональной инженерией.

Механизмы и функции кооптации

Согласно теории селектората [Bueno De Mesquita, Smith, Siverson, Morrow, 2003], стабильность недемократического режима во многом зависит от способности автократа сформировать лояльную властвующую коалицию из основных сегментов элиты (инсайдеры), от лояльности основных социальных групп (электората), а также от степени маргинализации оппозиции и слабости элитных сегментов, не включенных в состав властвующей коалиции (аутсайдеры).

Кооптацию можно определить как пакет стратегических мер, принимаемых авторитарным лидером для формирования устойчивых связей с элитами и социальными группами с целью сохранения их лояльности.

По отношению к аутсайдерам стратегия кооптации состоит в поддержании раскола и маргинального состояния оппозиции. Именно для этого используются такие формальные каналы, как партии, легислатуры и выборы [Gandhi, Przeworski, 2007]. С их помощью режим кооптирует часть оппозиционных акторов в состав властвующей коалиции. В условиях электорального авторитаризма [Schedler, 2006] ключевой проблемой инкумбента является способность оппозиции к выступлению единым блоком [Bunce, Wolchik, 2011]. Ее частичное кооптирование в представительные органы власти приводит к разделению оппозиции на принципиальную (несистемную) и лояльную (системную, полуоппозицию) [Linz, 1978, p. 191]. В результате режим добивается маргинализации своих противников, которые, утратив стимулы к координации, не могут составить электоральную конкуренцию инкумбенту. Вследствие раскола и фрагментации «несистемная» оппозиция ограничена в возможностях массовой мобилизации, а попытки создать угрозу режиму посредством акций прямого действия легко купируются точечными репрессиями.

Более того, интеграция части оппозиции во властвующую коалицию порождает ситуацию, при которой противники власти

конкурируют друг с другом, а не с инкубентом. Члены лояльной полуоппозиции, получившие благодаря картельным договоренностям с властью места в легислатуре, не заинтересованы в расширении конкуренции и демократизации, которые создают угрозу их положению и в результате становятся верной опорой режима, выступая против расширения политических свобод и конкуренции.

Одной из главных проблем недемократических режимов является их слабая обратная связь с обществом. В отсутствие конкурентных выборов и ротации элит режим теряет чувствительность к изменению общественных настроений и способность к объективной оценке целевых ориентиров различных социальных групп. Частично эти проблемы может решить кооптация более широких слоев населения в разнообразные формальные структуры. Для этого режим создает различные организации – от подконтрольных политических партий до общественных палат и ассамблей народов, призванных налаживать контакты и обмен информацией между широкими слоями населения и государственными органами. Власть также создает разного рода механизмы рекрутирования и селекции (молодежные парламенты и движения, кадровые резервы), призванные решать задачу отбора кадров и восполнения элит. Все эти органы, не будучи автономными от властвующих субъектов и не конкурируя с ними, носят корпоративный, а не демократический характер.

Таким образом, важную роль в устойчивости и долговременности авторитарных режимов играет институциональное закрепление доминирующего положения автократа, в том числе с помощью партий, обеспечивающих интеграцию и кооптацию элит.

Пример постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа во многом подтверждает этот тезис. Например, в Азербайджане инкубент сделал ставку на партию «Новый Азербайджан», с каждым избирательным циклом наращивающую свое электоральное преимущество. Подобным же образом функцию кооптации и интеграции элит, а также контроля за легислатурой выполняет Народно-демократическая партия Таджикистана. В Туркменистане и Узбекистане инкубент использует для монополизации политического рынка как экс-коммунистические партии, так и новые проекты-спойлеры.

Вместе с тем опыт постсоветских стран демонстрирует, что конкретные механизмы институциональной инженерии, призван-

ные сохранить авторитарное равновесие, не универсальны и имеют специфику, обусловленную внутриполитическими особенностями. Так, если в Казахстане и России инкумбенты пошли по пути повышения статуса партийных институтов и инвестиций в «партию власти», то в Азербайджане или Узбекистане властвующая элита, скорее, минимизирует роль партий, предпочитая опираться на персональные патронажные связи [Guliyev, 2013; Добронравин, 2007].

Более того, стратегии авторитарных лидеров в области институционального строительства и использования политических партий могут претерпевать изменения в зависимости от экономической ситуации, изменения структуры элиты и других факторов. Интересный пример в этом плане представляет собой постсоветский Казахстан, демонстрирующий логику трансформации кооптационной стратегии авторитарного лидера и эволюцию функциональной природы политических партий.

Политические клиенты и партийные картели в Казахстане на этапе «плюрализма по умолчанию» (1989–1998)

Среди постсоветских стран Казахстан выделяется минимальной долей титульного этноса. К моменту распада СССР казахи не являлись доминирующей этнической группой в республике, составляя только 40% населения [Dawisha, Parrott, 1994, p. 131–141]. Большая доля русских и других этносов создавала «естественные» расколы, затрудняя консолидацию моноцентрической власти. Кроме того, оставалась незавершенной национальная консолидация самих казахов — продолжали сохранять устойчивость субэтнические идентичности, делящие автохтонное население на три жуза (старший, средний и младший) [Амеркулов, 2000]. Поэтому политическое поле оставалось в состоянии «плюрализма по умолчанию» [Way, 2002].

В период перестройки массовую поддержку в Казахстане получили неформальные организации националистической и экологической направленности [Дьяченко, Кармазина, Сейдуманов, 2000], которые, однако, в отличие от стран Балтии, не актуализировали проблему сепаратизма, а ограничивались требованиями культурного и экономического суверенитета [Olcott, 1997, p. 209]. Глава республики Н. Назарбаев умело использовал популярные националистические лозунги, взяв курс на умеренную изоляцию

от центра, но отвергая радикальные крайности [Sarsembayev, 1999]. Это позволило ему балансировать на противоречиях между казахским и русским этносами, составляющими две почти равные численно культурные общности. Умеренность в национальном вопросе позволила Н. Назарбаеву позиционировать себя как лучшую из имеющихся альтернатив – как для русских, так и для казахов [Ларюэль, Пейроз, 2007, с. 66]. Он смог также кооптировать в созданный при правительстве Совет по религиозным делам мусульманских лидеров, поставив под государственный контроль развитие ислама и минимизировав стимулы к политизации религиозных идей [Tazmini, 2001, p. 71].

Поддержку казахской элиты Н. Назарбаев обеспечил увеличением доли ее представителей в составе парламента. Посредством нормы, согласно которой кандидаты в депутаты Верховного совета 1990 г. выдвигались от территориальных округов и общественных организаций, доля казахов в составе ВС увеличилась с 46,7 до 54,7%, а доля русских сократилась с 41 до 28,8% [Khazanov, 1995, p. 255].

Н. Назарбаев также смог использовать стратегию кооптации в отношении экологических движений, которые не ставили вопроса о монополии власти КПСС и в своих взглядах на стоящие перед Казахстаном задачи во многом совпадали с республиканской элитой. Н. Назарбаев поддержал движение «Невада – Семипалатинск», дав санкцию на расширение его деятельности. В марте 1989 г. в ходе своей рабочей поездки в Семипалатинскую область он признал заслуги движения в актуализации экологических проблем [Ертысбаев, 2001, с. 206].

Таким образом, при всей своей массовости экологические и националистические движения не представляли опасности для республиканской партийной элиты [Brown, 1990]. Н. Назарбаев удачно использовал их протестный потенциал в отстаивании интересов республики и тем самым укрепил свой авторитет внутри Казахстана. В целом ему удалось перехватить основные оппозиционные лозунги и минимизировать реальное политическое влияние общественных движений.

Ограниченный политический потенциал аутсайдеров наглядно проявился по итогам выборов республиканского Верховного совета 1990 г., на которых коммунисты сохранили свои доминирующие позиции [Выборы в Верховные советы республик СССР, 1990,

с. 1–2]. Депутаты избрали Н. Назарбаева председателем Верховного совета, а позже – по союзной модели – и президентом [Фурман, 2004, с. 187]. После провала августовского путча Н. Назарбаев укрепил свою легитимность посредством всенародных президентских выборов. Альтернативу действующему президенту пытался составить казахский диссидент, лидер партии «Желтоксан» Х. Кожаметов [Известия, 1991, с. 2], однако его не допустили до выборов, которые прошли на безальтернативной основе. При явке в 88,23% избирателей Н. Назарбаев получил 98,78% поддержки электората [Казахстанская правда, 1992, с. 1].

Основную проблему для утверждения режима личной власти Н. Назарбаева создавали региональные элиты, опирающиеся на патрональные сети локального уровня. Мажоритарная система выборов позволяла им, используя свои политические машины для избрания в Верховный совет, ограничивать полномочия президента.

Н. Назарбаев пытался ослабить их влияние с помощью инвестиций в «партию власти», но реализовать эту задачу смог не сразу. Сначала он продолжил коалиционное сотрудничество с коммунистами. В 1991 г. он собрал последний съезд Коммунистической партии с целью ее самороспуска и переименования в Социалистическую партию Казахстана. Однако инициированные правительством рыночные реформы противоречили интересам многих региональных элит, составлявших ядро бывших коммунистов. Поэтому вскоре партия перешла в оппозицию к президенту. В итоге Н. Назарбаеву пришлось создавать другую партию, кооптируя в нее на патронажно-клиентистской основе часть лояльных коммунистов, членов правительства, бюрократического аппарата, а также привлекая новых сторонников. Таким способом в 1993 г. была создана партия «Союз народного единства Казахстана» (СНЕК) [Isaacs, 2010, p. 13].

Кроме того, Н. Назарбаев активно создавал спойлеров, призванных расширить властную коалицию за счет части оппозиционеров. С этой целью администрация президента поддержала партию «Народный конгресс Казахстана» (НКК) во главе с популярным поэтом и экологом О. Сулейменовым. В 1993–1994 гг. он стал лидером оппозиции и мог составить существенную конкуренцию Н. Назарбаеву на президентских выборах. Нейтрализовать его удалось, предложив пост посла Казахстана в Италии [Isaacs, 2010, p. 13]. Таким образом,

маргинализация оппозиции осуществлялась не столько с помощью репрессий, сколько кооптацией в патронажную сеть президента.

В полной мере сила региональных элит проявилась в ходе принятия новой Конституции страны. Н. Назарбаев, который был еще недостаточно силен для отпора удерживающейся в советах номенклатуре, пошел на ряд компромиссов, в результате чего первая Конституция независимого Казахстана, принятая Верховным советом 28 января 1993 г., сохранила довольно значимые полномочия за депутатским корпусом.

В условиях социально-экономического кризиса, когда исполнительной власти было необходимо идти на непопулярные меры, право Верховного совета блокировать решения президента и правительства привело к обострению конфликта между ветвями власти. Противоречие между Н. Назарбаевым и председателем Верховного совета С. Абдильдиным было похоже на противостояние Б. Ельцина и Р. Хасбулатова в России, однако в Казахстане разрешилось принципиально иным образом.

Н. Назарбаев использовал не силу, а патронажные практики. В ходе неформальных переговоров с частью депутатов районных Советов он предложил им государственные посты в обмен на инициирование процедуры самороспуска Советов [Isaacs, 2010, p. 12]. Власть удачно облекла свою волю в форму «народной инициативы». В ноябре 1993 г. пять районных Советов народных депутатов г. Алма-Аты неожиданно приняли решение о досрочном прекращении своих полномочий и призвали другие Советы последовать их примеру, обосновывая свой шаг необходимостью «избавления от порочной практики полновластия Советов» [Куртов, 2000]. Н. Назарбаев приложил максимум усилий, чтобы провалить в Президиуме Верховного совета решение о роспуске парламента [Куртов, 2000, с. 10].

Самороспуск ВС позволил ему получить дополнительные временные полномочия, но не сопровождался установлением новых политических институтов. «Компромиссная» Конституция 1993 г. продолжала действовать, и новые выборы Верховного совета (март 1994 г.), проводимые с явно антидемократическими ограничениями [Куртов, 2000, с. 10], воспроизвели тем не менее исходный конфликт законодательной власти с президентом [Олкотт, 2003, с. 125–127]. Хотя президент добился, чтобы 42 из 177 депутатов назначались им лично в рамках «государственного списка» [Bremmer, 1996, p. 188], а

большинство мест в ВС получила пропрезидентская партия СНЕК, в парламент прошли представители еще 13 партий и 59 независимых кандидатов, многие из которых составили оппозиционную фракцию. В результате новый парламент оказался еще более нелояльным, чем предыдущий [Isaacs, 2010, p. 15]. Депутаты из оппозиционных блоков оказывали постоянное давление на правительство [Olcott, 1997, p. 222–223].

Политические акторы вновь попали в институциональную ловушку, выбраться из которой можно было либо силой, либо путем взаимных компромиссов. Однако Н. Назарбаев, как и раньше, нашел третий путь, распустив парламент с помощью более «тонкой» стратегии.

Он снова использовал неопатримониальные практики и личные связи, войдя в неформальную сделку с Т. Кватковской – одним из проигравших выборы кандидатов, которая согласилась подать в Конституционный суд иск о признании выборов в ее округе недействительными [Isaacs, 2010, p. 16]. Лоббированием «правильного» решения в Конституционном суде занимался К. Сулейменов [Isaacs, 2010, p. 16]. В итоге 6 марта 1995 г. Конституционный суд признал Верховный совет нелегитимным [Куртов, 1995, с. 214–219]. Президент распустил Верховный совет, а также добился от Конституционного суда признания действующим закона от 10 декабря 1993 г. «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий» [Казахстанская правда, 1995, 16 марта, с. 3]. В результате глава государства получил всю полноту как исполнительной, так и законодательной власти.

Впоследствии Т. Кватковская и К. Сулейменов были вознаграждены за свою лояльность: первая в 1999 г. возглавила список «партии власти» «Отан» и стала депутатом парламента, второй уже в 1995 г. получил пост министра внутренних дел [Isaacs, 2010, p. 17].

Вполне возможно, что неформальные сделки были заключены и с рядом оппозиционных депутатов. По крайней мере, если в первый день после издания президентского указа о роспуске парламента группа протестующих депутатов составляла 72 человека, то уже на следующий день она сократилась до 22 [Bremmer, Welt, 1996, p. 192].

В условиях прямого президентского правления в течение 1995 г. были проведены два референдума, один из которых про-

длил президентские полномочия Н. Назарбаева до 2000 г. [Сообщение об итогах голосования на республиканском референдуме 29 апреля 1995 года, 1995, с. 1–3], а второй принял разработанную лично президентом и его командой новую Конституцию Республики Казахстан [Казахстанская правда, 1995, с. 2].

Конституция вводила двухпалатный парламент с меньшим составом представителей, чем в прежнем Верховном совете. Верхняя палата, Сенат, насчитывала 47 человек, причем семь из них назначались лично президентом. Сенаторы должны были избираться на основе не прямого, а косвенного голосования – депутатами областей, городов республиканского значения и столицы. Половина из них подлежала переизбранию через каждые два года. Данную норму можно считать уступкой президента по отношению к региональным элитам, которые сохранили гарантии своего представительства. Фактически верхняя палата выполняла функции кооптации региональных элит в правящую коалицию, в которой теперь безусловно доминировал президент. Мажилис (нижняя палата парламента Казахстана) включал 67 депутатов, избираемых на четыре года по мажоритарной системе. Мажоритарные правила также отвечали интересам региональных и локальных элит.

В целом, однако, порядок выборов парламента практически исключал его независимость от президента. Это подтвердили выборы декабря 1995 г. [Сообщения ЦИК Республики Казахстан, 1995, с. 1–3]. Их результатом стало избрание полностью лояльного президенту парламента.

Эта лояльность гарантировалась не только коалицией с региональными элитами, но и начатым администрацией президента партийным строительством. Для кооптации провластных кандидатов были созданы две партии: Партия народного единства Казахстана (ПНЕК), получившая 24 из 67 мест, и Демократическая партия Казахстана (12 мест). Таким образом, картель из двух «партий власти» контролировал 36 из 67 мест в парламенте. Три оппозиционные партии имели в сумме только 12 мест [Олкотт, 2003, с. 286]. Всего же в парламент прошли представители 15 партий, сделав его крайне фрагментированным. 12 мест получили независимые кандидаты, которые по большей части поддерживали президента [Olcott, 1997, p. 232].

От «плюрализма по умолчанию» к партийной монополии

В конце 1990-х годов правящая элита Казахстана перешла от партийных картелей к формированию единой «партии власти». В силу как наследия прошлого, так и издержек рыночного реформирования острота элитных расколов заметно выросла. В этих условиях «партия власти» должна была стать механизмом кооптации сегментов элиты, минимизировав риски прорыва межэлитной конкуренции в публичное политическое пространство.

В преддверии очередных парламентских выборов 1999 г. ПНЕК была распущена, а ее место заняла «Отан». Новая президентская партия существенно отличалась от предыдущих партийных проектов. Основной ее целью было ограничить фрагментацию и конкуренцию элит. Если СНЕК и ПНЕК аккумулировали людей, лично лояльных президенту и формирующих его патронажную сеть, то партия «Отан» была призвана не только интегрировать разные сегменты элит, но и ограничить формальными рамками их соперничество, поставив таким образом межэлитную борьбу под контроль президентской администрации [Isaacs, 2013, p. 1068–1070].

В постсоветской истории Казахстана контрэлиты несколько раз пытались составить конкуренцию президенту, используя политические организации, а также опираясь на этнические или субэтнические социальные расколы. Например, в 1996 г. бывший посол в Китае М. Ауезов и глава Антимонопольного комитета П. Своик создали движение «Азамат», аккумулировавшее поддержку элит среднего жуза и русских из северных областей. Еще одна попытка мобилизовать элиты и массы на основе племенной идентичности среднего жуза была предпринята бывшим премьером А. Кажегельдиным [Junisbai, 2010, p. 252].

В отношении переходивших в лагерь оппозиции инсайдеров Н. Назарбаев использовал как репрессии, так и кооптационную тактику. Так, в отношении А. Кажегельдина было начато судебное преследование. А коалицию бизнесменов и ряда политических инсайдеров, объединившихся в 2001–2002 гг. в партию «Демократический выбор Казахстана» (ДВК), удалось нейтрализовать посредством раскола. Бывший вице-премьер и один из лидеров партии О. Жандосов вышел из этой организации, сформировав умеренную партию «Ак Жол», которая фактически выполнила роль спойлера. Вскоре О. Жандосов был назначен на должность президентского

советника, что означало интеграцию партии в патронажную сеть Н. Назарбаева. Два других лидера ДВК, Г. Жакиянов и М. Аблязов, не согласившись на сотрудничество с властью, были обвинены в коррупции и подвергнуты судебным репрессиям [Ipek, 2007, p. 1194–1195].

Создание ДВК стало одним из первых проявлений внутреннего соперничества среди элит Старшего жуза, что говорило о постепенном исчезновении клановых расколов. Большинство лидеров этой партии входили в патронажную сеть Н. Назарбаева, и их оппозиционность была обусловлена не племенной солидарностью, а конфликтом бизнес-интересов [Junisbai, 2010, p. 252].

Развитие рыночных отношений и распределение экономических активов между элитными сегментами стимулировало выстраивание межклановых альянсов и коалиций, скрепленных не родо-племенной идентичностью и традициями родственной взаимопомощи, а общностью экономических интересов. В связи с этим тактика президента претерпела изменения. Если раньше он использовал в кооптационной стратегии межклановые противоречия, то теперь от него требовался больший прагматизм, нередко входивший в противоречие с архаичными нормами родственной солидарности.

Наиболее показательным примером стали события вокруг зятя (мужа старшей дочери) президента Р. Алиева, который к 2001 г. стал лидером одной из наиболее влиятельных элитных группировок. К этому времени он был не только крупным бизнесменом, но и главой налоговой полиции, а также заместителем председателя Комитета национальной безопасности. Его патронажная сеть держалась на контроле за силовыми министерствами, а также на доминировании в СМИ, принадлежавших Д. Назарбаевой.

В 1999 г., во время очередных выборов в парламент, Р. Алиев и Д. Назарбаева сыграли ключевую роль в нейтрализации А. Кажегельдина. Руководимые Р. Алиевым силовые ведомства инициировали против него уголовные обвинения, а Д. Назарбаева уничтожила его репутацию, опираясь на ресурсы медиахолдинга «Хабар». В 2000–2001 гг. Р. Алиев попытался начать перераспределение ресурсов, чтобы обеспечить себе более выгодные стартовые возможности в борьбе за власть после ухода Н. Назарбаева, он стал предпринимать попытки шантажа в отношении своих оппонентов [Schatz, Maltseva, 2012, p. 57]. Это привело к консолидации его противников и созданию ДВК. До сих пор фрагментированная элита стала разбиваться на два лагеря.

Н. Назарбаев принял сторону зятя, уволив ряд госчиновников и возбудив уголовные дела на основных лидеров ДВК. Однако, разгромив бизнес-элиту, вставшую под знамена этой партии, президент не допустил дальнейшего усиления Р. Алиева. Последний был снят с поста заместителя председателя Комитета национальной безопасности и в 2002 г. отправлен в «почетную ссылку» в Вену – на должность посла Казахстана в Австрии и представителя страны в ОБСЕ [Фурман, 2004, с. 221]. В дальнейшем он был подвергнут уголовному преследованию и эмигрировал, Д. Назарбаевой пришлось с ним развестись. Президент также предпринял ряд шагов, направленных на ослабление политического влияния своей дочери. Принадлежавшая ей медиаимперия «Хабар» перешла под управление администрации президента, а сама она была исключена из партийных списков «партии власти» «Нур Отан» и на выборах 2007 г. лишилась депутатского кресла. Одновременно президент увеличил влияние другого своего зятя – Т. Кулебаева, получившего пост главы государственного холдинга «Самрук», который контролирует большую часть нефтегазового комплекса государства [Junisbai, 2010, p. 254].

Хотя партия «Отан» позиционировала себя как партия президента, другие элитные группы влияния предпочитали создавать свои партийные проекты. Они поддерживали Н. Назарбаева, но вступали в конкурентную борьбу с членами «Отан». Так, при патронаже Р. Алиева и Д. Назарбаевой была создана партия «Азар», группа бизнесменов под руководством А. Машкевича сформировала Гражданскую партию Казахстана (ГПК), элитная фракция М. Аблязова выступила под лейблом партии «Демократический выбор Казахстана» (ДВК). На парламентских выборах 2004 г. конкуренция между этими партиями была достаточно интенсивной, и в 2006 г. Н. Назарбаев решил ограничить это соперничество, добившись слияния «Отан», «Азар» и ГПК в единую «партию власти» «Нур Отан» [Isaacs, 2013, p. 1071].

Почти одновременно с формированием новой «партии власти» государственным служащим было разрешено вступать в партии. Это дало элитам всех уровней сигнал, что отныне доступ к властным позициям зависит от членства в «Нур Отан». Название партии стало синонимом государственной службы [Isaacs, 2013, p. 1072].

После принятия нового закона о партиях, ужесточившего условия их создания, а также введения пропорциональной избира-

тельной системы с высоким отсекающим порогом (7%) «Нур Отан» оказалась вне конкуренции. Это показали парламентские выборы 2007 г., на которых установленный барьер смогла преодолеть только «партия власти», получившая все депутатские места.

Новая ситуация резко снизила уровень политической конкуренции, ограничив возможности элит создавать собственные политические проекты и отстаивать собственную политическую линию. После установления доминирующего положения «Нур Отан» ряд бизнесменов из ГПК, включая А. Машкевича, потеряли интерес к политике и покинули Казахстан [Isaacs, 2013, p. 1073].

От предыдущих проектов «Нур Отан» отличает развитая административная инфраструктура по всей стране. Внешне она напоминает КПСС, однако на самом деле представляет классический пример патрон-клиентской организации, призванной интегрировать элиту на основах взаимного обмена ресурсами. Бюрократическая и бизнес-элита используют партию как инструмент рентоискательства и гарантии доступа к административным позициям. В обмен она обеспечивает электоральную поддержку, используя свои региональные и местные патронажные сети [Isaacs, 2013, p. 1060].

В отличие от КПСС «партия власти» в Казахстане является не самостоятельным игроком, а механизмом реализации решений администрации президента. Ее доминирование во многом обусловлено личной поддержкой президента – как символическо-имиджевой, так и ресурсно-финансовой [Isaacs, 2013, p. 1060]. Используя терминологию В. Гельмана, можно сказать, что «Нур Отан» больше похожа на организацию с внешним управлением [Гельман, 2008].

Вместе с тем разветвленная структура партии расширяет ее функции. Теперь это не просто патронажная сеть, призванная консолидировать голоса избирателей. Посредством массового привлечения молодежи «Нур Отан» выполняет функцию поиска кадров для ротации элит нижнего и среднего звена. Через разного рода социальные проекты партия ведет идеологическую работу, формируя лояльность по отношению к режиму и легитимируя его среди широких социальных слоев.

Оглушительные победы «Нур Отан» и президента, который получил на очередных выборах в 2011 г. 95,5% голосов, формируют образ непобедимой правящей коалиции, удерживающей потенциальных патронажных брокеров от соперничества и замыкающей патронажные сети на себя. Это также формирует апатию в лагере

противников власти и массовое представление о слабости и бесперспективности любой оппозиционной деятельности [Magaloni, Kricheli, 2010].

Рост организационных возможностей «партии власти» и более высокий уровень партизации политического процесса теоретически может создать в перспективе угрозу для президентской власти. Однако Н. Назарбаеву удастся успешно купировать эти риски посредством регулярной ротации бюрократической и партийной элит, целью которой является не столько повышение компетенции руководящего состава, сколько ослабление аппаратного веса и ресурсной клиентской базы. Исследование Б. Джунисбэй показало, что в 1992–2009 гг. в каждой из областей страны аким (региональный глава) в среднем менялся шесть раз, в некоторых областях – до десяти раз. Средняя продолжительность занятия поста акима не превышает три года [Junisbai, 2010, p. 257–258].

Подобным же образом депутаты парламента из-за контроля со стороны администрации президента лишены возможности выстраивать собственные патронажные сети. До 2007 г. функции патронажа и отсека не лояльных кандидатов выполняли региональные главы, которые, в свою очередь, контролировались президентом. С переходом на выборы исключительно по партийным спискам процедура выдвижения кандидатов ужесточилась. Теперь возможность получить место в парламенте зависит от включения в список «Нур Отан», который формируется под контролем президента. Этот контроль направлен на обновление депутатского корпуса, что также не дает депутатам возможности нарастить политический капитал и выйти из-под контроля. Так, в рамках четырех созывов нижней палаты легислатуры в 1995–2007 гг. депутатский корпус обновился почти на 100%. По итогам выборов 2007 г. в парламенте остался только один депутат (Е. Рамазанов), который может похвастаться своим членством во всех четырех парламентских созывах. Интенсивность ротации в верхней палате несколько ниже, но также отражает тенденцию к обновлению. К 2007 г. в Сенате осталось только восемь «старожилов», что составляет 6,8% от состава 1995 г. [Junisbai, 2010, p. 261].

Сегодня в Казахстане в связи с естественным старением элит и сокращением кадрового резерва из числа «старой гвардии» отмечается тенденция к формированию более масштабных молодежных проектов, которые также начинают выступать в качестве

механизмов кооптации. Наиболее заметной в этом плане стала созданная в 2005 г. общественная организация «Ак Орда», возглавляемая племянником Н. Назарбаева К. Сатыбылды [Ziegler, 2010, p. 814].

Таким образом, опираясь на новую структуру «партии власти», казахстанский режим приобретает устойчивость, расширяя взаимодействие между государственным аппаратом, бизнесом и широкими социальными слоями. Представляя собой расширенный механизм патронажной сети, «Нур Отан» и другие провластные организации увеличивают возможности для поддержки режима, интегрируя не только политическую и экономическую элиту, но и массовые слои населения.

Заключение

Постсоветский опыт Казахстана и других государств бывшего СССР позволяет сделать ряд выводов о роли партий и других политических институтов в авторитарной режимной среде.

В дискуссиях о влиянии институтов на динамику режимов данный опыт подтверждает тезис, согласно которому сами по себе институты не влияют на авторитаризацию или демократизацию режима, а являются лишь механизмами, с помощью которых политический лидер может закрепить достигнутый уровень доминирования и обезопасить себя от рисков. В этом смысле институты лишь отражают степень консолидации авторитаризма, но не обуславливают его. Долгое время функционировавшая в Казахстане мажоритарная избирательная система не препятствовала расширению политической монополии президента, равно как и переход на пропорциональную систему не стал предвестником разрушения авторитарного равновесия. Напротив, наряду с инвестициями в «партию власти» пропорциональная несвязанная система расширила кооптационные возможности режима и создала основы для его дальнейшей консолидации.

Это справедливо и в отношении степени партизации политического процесса. Как показывает опыт постсоветских стран, в условиях прочных патронажных связей президенты способны сохранять доминирование без создания мощных партийных проектов, опираясь на партийные картели или личные клиентелы – как

это происходит в Азербайджане и Узбекистане. В то же время современный Казахстан демонстрирует, что формирование широкой властной коалиции, а также интеграция элит и более широких социальных слоев в рамках единой «партии власти» не ограничивают, а, скорее, укрепляют персоналистскую власть, сокращая пространство для несанкционированных межэлитных столкновений и ставя элитное противоборство под более жесткий контроль.

Таким образом, институты более логично рассматривать в качестве зависимых переменных, эффекты которых обусловлены другими процедурными факторами, влиянием неформальных практик и самой логикой развития режима.

Список литературы

- Амрекулов Н.* Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – Стокгольм, 2000. – № 3. – С. 131–146. – Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/16.Amrek.shtml> (Дата посещения: 15.02.2013.)
- Выборы в Верховные Советы республик СССР // Известия. – М., 1990. – 14 марта. – С. 1–2.
- Гельман В.* Политические партии в России: от конкуренции к иерархии // Полис. – М., 2008. – № 5. – С. 135–152.
- Гилев А.* Политические трансформации на постсоветском пространстве: имеют ли значение «цветные революции»? // Полития. – М., 2010. – № 2. – С. 107–121.
- Добронравин Н.А.* Узбекистан: центр Центральной Азии – все под контролем // СССР после распада / Ред. О.Л. Мргания. – СПб.: Экономическая школа, 2007. – С. 387–408.
- Дьяченко С., Кармазина Л., Сейдуманов С.* Политические партии Казахстана. 2000 год: Справочник. – Алма-Ата: ИПК, 2000. – 289 с.
- Ертысбаев Е.* Казахстан и Назарбаев: логика перемен. – Астана: Елорда, 2001. – 576 с.
- Завадская М.А.* Электоральные циклы в соревновательных авторитарных режимах // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – Пермь, 2014. – № 3. – С. 5–21.
- Известия. – М., 1991. – 1 ноября. – С. 2.
- Известия. – М., 1991. – 2 ноября. – С. 2.
- Казахстанская правда. – Алма-Ата, 1992. – 1 января. – С. 1.
- Казахстанская правда. – Алма-Ата, 1995. – 16 марта. – С. 3.
- Казахстанская правда. – Алма-Ата, 1995. – 8 сентября. – С. 2.
- Куртов А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная эволюция // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – М., 2000. – № 2. – С. 2–10.

- Куртов А.А.* Партии Казахстана и особенности развития политического процесса в республике // Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. – М.: Российский институт стратегических исследований, 1995. – С. 214–219.
- Ларюэль М., Пейроз С.* «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность / Пер. с фр. Т. Григорьевой. – М.: Наталис, 2007. – 359 с.
- Назарбаев Н.* Казахстанский путь. – Караганда: ТОО «Арко», 2006. – 372 с.
- Олкотт М.Б.* Казахстан: непройденный путь. – М.: Гендальф, 2003. – 354 с.
- Сообщение об итогах голосования на республиканском референдуме 29 апреля 1995 года // Казахстанская правда. – Алма-Ата, 1995. – 4 мая. – С. 1–3.
- Сообщения ЦИК Республики Казахстан «Об итогах выборов депутатов Мажилиса парламента Республики Казахстан» // Казахстанская правда. – Алма-Ата, 1995. – 30–31 декабря. – С. 1–3.
- Фурман Д.* Постсоветский политический режим Казахстана // Казахстан и Россия: общество и государство. – М.: Права человека, 2004. – С. 178–271.
- Хантингтон С.* Третья волна: демократизация в конце XX в. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
- Bremmer I., Welt C.* The trouble with democracy in Kazakhstan // Central Asian survey. – L., 1996. – Vol. 15, N 2. – P. 179–199.
- Brown B.* The public role in perestroika in Central Asia // Central Asian survey. – L., 1990. – Vol. 9, N 1. – P. 87–96.
- The Logic of Political Survival / B. Bueno De Mesquita, A. Smith, R. Siverson, J.M. Morrow. – Cambridge: The MIT Press, 2003. – 536 p.
- Bunce V., Wolchik S.* Defeating authoritarian leaders in postcommunist countries. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2011. – 373 p.
- Dawisha K., Parrott B.* Russia and the New States of Eurasia: The Politics of Upheaval. – Cambridge: Press Syndicate of the univ. of Cambridge, 1994. – 437 p.
- Gandhi J.* Political institutions under dictatorship. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 258 p.
- Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian institutions and survival of autocrats // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2007. – Vol. 40, N 11. – P. 1279–1301.
- Gandhi J., Reuter O.J.* The incentives for pre-electoral coalitions in non-democratic elections // Democratization. – L., 2013. – Vol. 20, N 1. – P. 137–159.
- Gerschewski J.* The three pillars of stability: legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes // Democratization. – L., 2013. – Vol. 20, N 1. – P. 13–38.
- Golosov G.* Authoritarian Party Systems: Patterns of Emergence, Sustainability and Survival // Comparative sociology. – Leiden, 2013. – N 12. – P. 617–644.
- Guliyev F.* Oil and Regime Stability in Azerbaijan // Demokratizatsiya. – Washington, DC, 2013. – Vol. 21, N 1. – P. 113–147.
- İpek P.* The role of oil and gas in Kazakhstan's foreign policy: Looking east or west? // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2007. – Vol. 59, N 7. – P. 1179–1199.
- Isaacs R.* Nur Otan, informal networks and the countering of elite instability in Kazakhstan: Bringing the «formal» back In // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2013. – Vol. 65, N 6. – P. 1055–1079.

- Isaacs R.* Informal politics and the uncertain context of transition: revisiting early stage nondemocratic development in Kazakhstan // *Democratization*. – L., 2010. – Vol. 17, N 1. – P. 1–25.
- Junisbai B.A.* Tale of two Kazakhstans: Sources of political cleavage and conflict in the Post-Soviet period // *Europe-Asia studies*. – Glasgow, 2010. – Vol. 62, N 2. – P. 235–269.
- Khazanov A.* The ethnic problems of contemporary Kazakhstan // *Central Asian survey*. – L., 1995. – Vol. 14, N 2. – P. 243–264.
- Kuzio T.* Democratic breakthroughs and revolutions in five Postcommunist countries: Comparative perspectives on the fourth wave // *Demokratizatsiya*. – Washington, DC, 2008. – Vol. 16, N 1. – P. 97–109.
- Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2010. – 517 p.
- Linz J.* Opposition to and under an Authoritarian Regime: The Case of Spain // *Regimes and Oppositions*. / R. Dahl (ed.). – New Haven, L., 1978. – P. 171–259.
- Magaloni B., Kricheli R.* Political Order and One-Party Rule // *The Annual Review of Political Science*. – Palo Alto, 2010. – N 13. – P. 123–143.
- McFaul M.* The orange revolution in a comparative perspective // *Revolution in orange: The origins of Ukraine's democratic breakthrough* / A. Aslund, M. McFaul (eds). – Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2006. – P. 165–197.
- McFaul M.* Transitions from Postcommunism // *Journal of democracy*. – Wanington, DC, 2005. – Vol. 16, N 3. – P. 5–19.
- Olcott M.B.* Democratization and growth of political participation in Kasakstan // *Conflict, cleavage and change in Central Asia and Caucasus* / K. Dawisha, B. Parrott (eds). – Cambridge, 1997. – P. 201–241.
- Sarsembayev A.* Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990 s // *Central Asian survey*. – L., 1999. – Vol. 18, N 3. – P. 319–346.
- Schatz E., Maltseva E.* Kazakhstan's authoritarian «persuasion» // *Post-Soviet affairs*. – Berkeley, 2012. – Vol. 28, N 1. – P. 45–65.
- Schedler A.* The logic of electoral authoritarianism // *Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition* / A. Schedler (ed.). – Boulder: Lynne Rienner publishers, 2006. – P. 1–23.
- Tazmini G.* The Islamic revival in Central Asia: A potent force or a misconception? // *Central Asian survey*. – L., 2001. – Vol. 20, N 1. – P. 63–83.
- The colour revolutions in the former Soviet Republics: Success and failures (Routledge contemporary Russia and Eastern Europe series)* / D. Beachar, A. Polese (eds). – Abingdon, NY: Routledge, 2010. – 248 p.
- Way L.* Pluralism by default in Moldova // *Journal of democracy*. – Washington, DC, 2002. – Vol. 13, N 4. – P. 127–141.
- Ziegler Ch.* Civil society, political stability, and state power in Central Asia: cooperation and contestation // *Democratization*. – L., 2010. – Vol. 17, N 5. – P. 795–825.